

ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ КОРПУС ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Рассматриваются проблема участия представителей вузовской науки в конструировании нового советского общества и степень их влияния на протекавшие модернизационные процессы. Выявляются основные тенденции формирования социальных ролей советских учёных и преподавателей, стратегии их взаимоотношений с партийно-государственной системой в период конца 1920-х – начала 1950-х гг. Анализируются механизмы выстраивания социальной идентичности советского научно-педагогического сообщества.

Ключевые слова: советская наука; высшее образование; интеллигенция; советское государство; Сибирь; Томск.

В настоящее время в российском обществе идет дискуссия о необходимости и путях системной модернизации государственного и общественного организмов. Как следствие в историческом дискурсе вновь актуализируется теория модернизации.

Теоретическим фундаментом современных представлений о феномене модернизации является положение о том, что усложняющийся в геометрической прогрессии общественный организм неизбежно обнаруживает самостоятельные структурные модификации своих сегментов (подсистем). Как следствие в условиях очередного системного кризиса (точки бифуркации, пользуясь синергетической терминологией) перед социумом стоит задача комплексного обновления (модернизации) всех своих вспомогательных институтов и механизмов функционирования. Успех в решении обозначенной задачи обуславливает переход социальной системы на качественно новый уровень развития, неудача – к деградации или даже её гибели.

Стоит отметить, что долгое время применение данного подхода основной упор делало на изучении организационно-политической либо сугубо экономической сторонах модернизационных рывков. При этом научным вниманием, как правило, обделялись так называемые внутренние составляющие модернизационных процессов, прежде всего – политика государства в научно-образовательной сфере. Во многом это объясняется тем, что социальные аспекты фактически не являлись самоценными для государства как инициатора и основного (если не единственного) субъекта модернизации. В результате все попытки модернизации носили догоняющий характер, происходя не эволюционно, а революционно – в момент осознания не обществом, а государством объёма накопившейся отсталости.

В то же время вполне очевидно, что социальные аспекты модернизации не менее важны, нежели остальные. Именно успех в модернизации самого общества, формировании у него механизмов саморазвития, которые в дальнейшем будут задавать импульсы к очередным обновлениям, является главным залогом того, что последующие модернизации будут носить не догоняющий, а самостоятельно-эволюционный характер.

Применительно к отечественному опыту модернизационных попыток можно сказать, что наиболее ярким (и одновременно одиозным) примером является так называемая сталинская модернизация периода конца 1920-х –

начала 1950-х гг. Нет нужды говорить, что тогда советской системе был брошен весьма серьезный «вызов», полнота «ответа» на который была взвешена на весах очередной попытки модернизации. Дефиниции тойнинианской концепции в данном случае видятся вполне уместными. Во взятом выше ракурсе научно-образовательную политику советского государства и модель его взаимоотношений с интеллектуальной прослойкой общества можно рассматривать как социальные «ответы» системы на экономические и политические «вызовы» времени.

Рассмотрение проблем советской модернизации в подобном ключе невозможно без фокуса на уже успевшей стать достаточно банальной теме взаимоотношений власти и интеллигенции (в нашем случае – научно-педагогических кадров высшей школы). Другое дело, что поиск новых смыслов данного проблемного поля требует определённой новизны в подходах. В силу этого предпочтительнее не замыкаться в рамках традиционной дихотомии «тоталитарное государство и репрессированная наука», а основной акцент сделать на анализе коммуникаций советского социума в лице государственной власти и интеллектуальной элиты, частично представленной научно-педагогическим сообществом. Иными словами, пресловутую концепцию тоталитаризма в данном случае стоит дополнить (а в ряде моментов и заменить) всё той же теорией модернизации. Таким образом, исследуемое пространство будет наполнено двумя разновеликими, но при этом равнозначными в степени своего участия в модернизационном процессе объектами: государством как главным актором модернизации и научной элитой как её основным фактором и самовоспроизводящимся ресурсом. В общих чертах подобный подход был заявлен в своё время Э.И. Колчинским [1. С. 728–782], оспорен В.П. Макаренко [2. С. 86–110], что говорит о дискуссионной ёмкости данной проблематики и предполагает целесообразность дальнейших исследований в этом направлении.

Социально-политические процессы переломного времени в центре и на периферии всегда различаются как по своей динамике, так и по качественному содержанию. И в случае обозначенной выше проблематики особой задачей видится изучение и осмысление уникального опыта Сибири, ставшей и одной из главных ресурсно-производственных баз, и своеобразным «полигоном» модернизаций в течение всего XX в.

(Кузбасская топливно-металлургическая база и Томский научно-образовательный комплекс). Региональный аспект данной темы предполагает выявление конкретных механизмов, форм и методов взаимодействия государства с интеллектуальным ресурсом в рамках научно-образовательной политики, проследить, с одной стороны, диалектику отношений большевиков и интеллигенции, с другой – эволюцию взглядов самого научного сообщества, наличие либо же отсутствие у него ментальных сдвигов как реакции на происходящие трансформации. Подобный подход позволит отчётливее проследить то, как трансформировалась с течением времени в рамках адаптации к новым социально-экономическим и политическим реалиям сама научно-педагогическая прослойка, и эволюцию той позиции, что занимал по отношению к своей интеллектуальной элите развивающийся советский социум в лице официальных властей.

Применительно к Томску данный политико-научный дискурс интересен ещё и тем, что научный центр Сибири, в силу ряда исторически сложившихся обстоятельств, долгое время был к столицам «ближе», нежели другие региональные центры. Помимо этого, и само местное научное сообщество (многие из членов которого прибыли сюда в своё время по разным причинам из Москвы или Ленинграда) никогда не порывало своих связей с центром и всегда было в русле всех новейших веяний и течений в отношениях с властью.

Особый акцент в рассмотрении места и роли томского научно-педагогического сообщества в модернизации эпохи сталинского СССР целесообразно сделать на анализе социально-политической эволюции представителей физической науки, ставшей своего рода локомотивом индустриализации. Физическое сообщество, став в дальнейшем своеобразной элитой советской науки, претерпело достаточно длительную и сложную диалектику своих взаимоотношений с властями. Несмотря на свою относительную «сословную» привилегированность, советские физики практически постоянно находились под определённым морально-психологическим прессом, в полной мере испытав на себе все стороны пресловутой политики «кнута и пряника». При этом многие из корифеев новой советской физической науки переживали этап своего становления (личностного и профессионального) именно в период рубежа 1920–1930-х гг. – момента решающего модернизационного рывка.

Физическое знание в бурно развивающемся советском государстве, с одной стороны, получало непропорционально большие вливания и поддержку со стороны власти (непропорционально по отношению к другим наукам и к общему уровню благосостояния). С другой стороны, физика и физики постоянно испытывали давление сверху, мощностное и направление которого варьировались время от времени. Кроме того, необходимо помнить и характерное для большинства физиков рубежа 20–30-х гг. относительно лояльное отношение к социализму (во всяком случае, к самой его идее, если не к реальной практике), которое спустя всего несколько лет будет предельно жёстко испытано на прочность.

Несмотря на то что данная статья носит скорее проблемный, нежели конкретно-исторический характер, позволительно будет остановиться всё же на некоторых сюжетах. Обозначенная уже выше специфика рассматриваемой проблемы обуславливает выбор методологии – достаточно хорошо себя зарекомендовавшей в последнее время микроаналитической стратегии исследований в социальной истории науки. Данный подход предусматривает взгляд на исследуемый объект «изнутри» – с точки зрения внутренней диалектики самого научно-педагогического сообщества.

Для начала следует обозначить исключительно важный для всех последующих построений нюанс: традиционное для отечественной историографии 80–90-х гг. прошлого века представление об отношениях советской науки и власти в «страдательном залоге» видится всё менее и менее адекватным. Тем не менее подобный подход до сих пор ещё не изжит. Очевидно, что в системе советской социальной стратификации учёные были поставлены достаточно высоко, а советская научная элита была даже определённым образом интегрирована во власть. Таким образом, можно и нужно говорить о советской науке как об одной из *групп власти*, которая сама по себе была способной оказать громадное влияние на осуществление определённых социальных изменений.

В этом отношении весьма показательна социально-политическая эволюция томского научного сообщества. Прежде всего, интересен период 1920 – середины 1930-х гг. Опуская период революции и Гражданской войны (признавая при этом его как пролог модернизации), стоит отметить лишь, что подавляющая часть местного научного истеблишмента на данном этапе относилась к большевикам крайне негативно. Тем более что разгорающаяся Гражданская война аккумулировала в провинциальных университетах консервативно либо либерально настроенную профессуру, жившую ожиданиями неизбежного падения большевистской диктатуры. Это и не удивительно, если учитывать тот факт, что дореволюционная научная и педагогическая элита, так или иначе, являлась одновременно и элитой социальной.

Репрессии же ранних 1920-х гг., по большей части, были «адресными», т.е. карались учёные не столько за свою классовую сущность, сколько в ответ за антисоветскую деятельность: сотрудничество с враждебными советской власти режимами, антисоветские выступления и т.п. В этом ключе можно говорить об этом, как об издержках переходной эпохи (ни одна модернизация не обходится без известной доли ущерба и потерь – в равной степени как для масс, так и для элиты).

Всё вышесказанное в полной мере относится и к томским физикам того времени. Партийные сводки о политических настроениях профессуры физико-математического факультета Томского государственного университета характеризуют их как крайне антисоветских. Согласно им, профессора В.Д. Кузнецов, П.Н. Крылов, И.Ф. Пономарёв в своих взглядах и практике были созвучны «несоветски» настроенному ректору университета В.Н. Савину [3. Л. 14–24].

Справедливости ради необходимо признать, что одной из объективных причин тому было и тяжёлое материально-бытовое положение учёных и преподавателей в первые годы после окончания Гражданской войны. Помимо этого, масштабность радикальных реформ высшей школы, затронувших жизненные интересы старой профессуры.

Ситуация начинает меняться с середины 1920-х гг., и связано это со взятием большевистским руководством курса на индустриализацию (модернизацию) и с сопряженными с этим определёнными изменениями политики в сфере науки и высшего образования. В истории советской науки это время завершения её институционализации. Причём во всех смыслах: институционализация новой советской науки завершилась созданием множества НИИ. В том числе и на такой стратегически важной периферии, как Сибирь.

В 1928 г. в Томске открывается Сибирский физико-технический институт (СФТИ) – первый за Уралом научно-исследовательский институт физического профиля, ставший со временем одним из крупнейших в стране центров как фундаментальной науки, так и прикладных исследований (вскоре вошедший в структуру Томского государственного университета). В поворотные для страны годы первой пятилетки СФТИ работал на нужды индустриализации Сибири и, в частности, вплотную занимался так называемой урало-кузнецкой проблемой (созданием второй в СССР угольно-металлургической базы). Это само по себе выводило местную физическую элиту на принципиально новый уровень: рост финансирования, создание необходимых условий для проводимых исследований и известные гарантии их стабильности. Как следствие некоторые из учёных-исследователей становятся учёными-администраторами. Наиболее яркий пример тому – уже упомянутый выше В.Д. Кузнецов (инициатор создания и многолетний директор СФТИ).

При этом следует указать ещё на одну немаловажную деталь: конец 1920-х – начало 1930-х гг. не принесли кардинальных перемен для томского научно-педагогического сообщества в материально-бытовом отношении. Томск, оставшийся «на обочине» индустриализации [4. С. 262], проигрывал другим центрам Сибири в плане централизованного снабжения. Снабжение его жителей должно было производиться преимущественно за счет местных источников. В результате потребности города хронически не удовлетворялись. Помимо всего прочего, это говорит и том, что достаточно долгое время благосостояние местных научных и преподавательских кадров не росло вместе с общим уровнем жизни по мере успехов модернизации – оно напрямую зависело от степени и скорости их интеграции в трансформирующийся социум, а в дальнейшем и в его элиту.

Всё это коренным образом меняло сам характер диалога между партийными и государственными властями и возвысившейся частью научно-педагогического сообщества – последние постепенно ощущали всю ценность своей инкорпорации в советскую элиту. Образно выражаясь, *власть* частично перетекала в стены институтов и других новых научных

учреждений. Обусловливалось это и откровенным технократизмом советского руководства, который не мог не импонировать физикам, продолжившим и расширившим исследования при поддержке новой власти. Сама томская физика, пребывавшая до этого в провинциальном (в прямом и в переносном смыслах) состоянии, решая масштабные задачи, приближалась к столичным стандартам. Прежде всего, благодаря притоку ценных научных кадров, главным образом из Ленинграда.

Об изменениях политического дискурса значительной части научно-педагогической элиты напрямую свидетельствует смена тона в их риторике на страницах региональной прессы (томская городская газета «Красное знамя»). Особый интерес в этом отношении представляют материалы 1927–1929 гг. Естественно, что со стороны властей, рупором которых была газета, мало что изменилось: всё тот же обвинительный пафос по отношению к «реакционно-настроенной старой профессуре». В то же время целый ряд видных томских учёных, отвечая зачастую на открытые обвинения и откровенные нападки, уже не пытался парировать их, выдвигая встречные претензии, как в начале 1920-х гг., теперь они отстаивают свою лояльность советской власти, вступая с оппонентами в «догматическую» полемику о том, как надо правильно понимать основные принципы социализма.

Помимо этого, томские физики всё чаще (по мере накопления опыта взаимодействия с партбюрократией) использовали саму советскую риторику, доказывая и подчёркивая всю ценность для социалистического строительства своих научных исследований [5]. Что характерно – прошло всего несколько лет с того времени, когда они чуть ли не с университетских кафедр отзывались о советской системе как о прискорбном недоразумении. Суть даже не в том, насколько искренни они были спустя эти несколько лет. Главное состоит в том, что разворачивающаяся модернизация при всех её текущих минусах и издержках большинством из них воспринималась (быть может, на подсознательном уровне) как нечто «своё» – закономерное, необходимое и долгожданное.

Следующий этап отношений с властями непосредственно связан с резкой сменой научно-образовательной политики государства в 1933 г. Период леворадикальных реформ в науке и системе высшего образования завершился очевидным крахом революционных надежд, уступив место консервативной (если угодно, национально-государственной) политике. Именно это стало «годом великого перелома» в социальной истории отечественной науки и высшей школы.

Большинство научно-педагогических кадров на тот момент всё ещё составляли люди, сформировавшиеся как учёные, исследователи, преподаватели в реалиях «старой» России. Отсюда вытекало и всё остальное. Успехи индустриализации (первого акта модернизации) – налицо, репрессии начала 20-х гг. уже успели позабыться, а до конца 30-х ещё далеко: более того, пролетарская реформа высшей школы и люмпен-атаки на науку обозначили свой полный про-

вал. И если у гуманитариев ещё оставались счёты с большевиками (они, впрочем, так никогда и не будут сведены), то представители физического сообщества чувствовали себя всё более уверенно. Дежурные обвинения в отступлении от диалектического материализма и профилактические попытки преодолеть «идеологический хаос в профессорских головах» не в счёт: в царской России динамично развивавшееся естествознание также соседствовало с официально насаждаемым православием, практика чего порою перетекала в откровенное мракобесие.

Делая промежуточный вывод, можно сказать, что наиболее способные и успешные физические кадры к середине 1930-х гг. сумели получить от советской власти известные профессиональные предпочтения, также к ним возвращались (не в буквальном смысле, конечно же, но тем не менее) привычный образ существования науки в обществе вообще и способ существования учёного в научном сообществе в частности. Именно с этого момента больше не встречаются сведения о публичных недружелюбных высказываниях томских профессоров и преподавателей в адрес советского государства и правящей партии.

Вместе с тем поворот в научно-образовательной политике советской власти, имевший место в начале 1930-х гг., при всех своих объективных плюсах в отношении научной и научно-технической интеллигенции, ни в коей мере не являлся ни временной уступкой старой профессуре, «перековка» которой требовала длительного времени и значительных усилий (если вообще представлялась возможной), ни, тем более, следствием осознанного поиска некоего компромисса в достаточно натянутых отношениях. В этом плане обращает на себя внимание то, что сокращение количества зафиксированных антисоветских выступлений со стороны членов научно-педагогического сообщества совпало с очередным витком репрессий против научной и технической интеллигенции (Шахтинское дело, Дело Промпартии и др.).

Большевистская практика, последовательно разрушавшая все основания прежней социальности, меньше всего была склонна рассматривать остатки прежней интеллигенции в качестве серьёзного социально-политического субъекта. Справедливости ради необходимо признать, что, по крайней мере, представители региональной вузовской науки сами давали на то вполне явные основания, продемонстрировав за предыдущее десятилетие известную аморфность, обусловленную прежде всего отсутствием чётко сформулированной общей корпоративной позиции в отношении происходящего в стране.

Таким образом, более корректным будет говорить не столько об изменении отношения советского государства к научно-педагогическому сообществу, сколько об окончательной выработке им долгосрочной позиции по отношению ко всей сфере науки и высшего образования в целом. Это же, в свою очередь, стало симптомом окончания поисков путей выхода страны из состояния неопределённости (прохождение своеобразной «точки бифуркации») и начала движения по выбранной, в силу разных причин,

траектории дальнейшего развития. Весьма показательно в этом плане то, что институционализация новой советской науки практически совпала по времени с началом индустриализации, в свою очередь связанным с окончанием последнего этапа внутрипартийной борьбы за власть.

Рассматриваемые тенденции накладывались на объективный процесс смены поколений в научном сообществе, которые и в менее экстремальные периоды проходят далеко не всегда безболезненно. К началу тридцатых годов большая часть вузовских преподавателей среднего звена (доценты) как раз вступала в пору творческой зрелости либо уже расцвета. Специфика же отечественной истории науки (и, главным образом, естественнонаучного знания) заключается в том, что на ничтожно коротком отрезке исторического времени оказались тесно переплетены четыре процесса: а) форсированная социально-экономическая модернизация, инспирированная (как это ни парадоксально); б) оформлением тоталитарной политической системы, ставшей ответом на кризис самого культурно-исторического проекта модерна в России; в) смена научных поколений, отличительной чертой которой стал разрыв не только в методологических, но и в ценностных установках «старых» и «новых» учёных; и, наконец, г) буквально взрывное развитие фундаментальной науки в период 1920–1950-х гг. (физика – ярчайший тому пример).

На этом фоне неизбежным стало оформление таких тенденций, как вольное или невольное втягивание наиболее активной части научно-педагогической корпорации в текущий политический дискурс (публичная демонстрация лояльности если не гарантировала, то во многом способствовала административно-материальной поддержке исследований и самих учёных), специфическая конкурентная борьба, причём как разных направлений внутри одной науки (к примеру, физиков-«практиков» и физиков-«теоретиков» после мартовской сессии 1936 г. АН СССР), так и между отдельными персоналиями, впрочем, грань между этими двумя формами провести было довольно-таки сложно.

Особый драматизм происходящему в 1930-х гг. придавало то, что вышеобозначенные тенденции так же тесно переплетались между собою: использование представителями науки и высшего образования политической риторики в удовлетворении своих профессиональных либо сугубо личных амбиций, с одной стороны, вынуждало власть вмешиваться в науку, с другой – делало саму науку заложницей в руках власти.

Свою специфику, как уже говорилось, имела томская физика (представлявшая на тот момент всю Сибирь). Прежде всего, она заключалась в синтетическом характере самой местной науки, формировавшейся из представителей самых разных школ и направлений. С одной стороны, это придавало местной научной мысли известный динамизм, с другой – в условиях этатизации науки, проявлявшейся в централизованном распределении ресурсов, обуславливало неизбежность ревностного отношения к сфере своих научных интересов и конкурентной борьбы между различными группировками учёных.

Приведённые особенности регионального научного сообщества нашли своё отражение в уже достаточно полно исследованных событиях 1933–1938 гг., напрямую затронувших томскую науку (не только физику) [6–10]. При этом именно события в Томске чаще всего приводятся в качестве примера того, что происходило в советской науке в целом. В очередной раз отметим лишь, что крайне интересны и показательны в этом плане взаимоотношения между такими крупными физиками того времени, как В.Н. Кессених и В.Д. Кузнецов, а также между В.Д. Кузнецовым и группой теоретиков, прибывших в Томск из Ленинграда, – П.С. Тартаковским, Д.Д. Иваненко, М.И. Корсунским. Здесь было всё: и взаимная неприязнь, и трения в рамках борьбы за власть в СФТИ (В.Н. Кессених – В.Д. Кузнецов), и инициирование идеологической кампании (В.Н. Кессених), и последовавшее обвинение В.Н. Кессениха и В.Д. Кузнецова во «вредительских» методах работы. Не менее драматичными были и отношения практика-экспериментатора В.Д. Кузнецова и теоретиков-ленинградцев, представлявших собою отдельную группировку в СФТИ: вступившись за подчинённых во время антилузинской кампании, директор института, тем не менее, не упустил случая, чтобы между делом не уязвить «чрезмерно увлекающихся абстрактной математикой» коллег в их отрыве от практики.

Пережила эти времена томская физика относительно благополучно – все указанные персонажи остались в живых, но Д.Д. Иваненко и П.С. Тартаковскому пришлось уехать из Томска. Это стало, пожалуй, главной причиной того, что теоретическая физика не получила здесь в дальнейшем мощного развития. Для сравнения: томской школе баллистики, базировавшейся в НИИ математики и механики (открытом при Томском государственном университете в 1935 г.), а также томским биологам повезло гораздо меньше – многие из них подверглись прямым репрессиям, многие погибли.

Несмотря на наличие спускаемых сверху идеологических установок, формировавших внутри научно-педагогического сообщества напряжённый климат подозрительности и нетерпимости, террор 1930-х гг. носил ярко выраженный алогичный характер – среди репрессированных томских учёных были выходцы из всех социальных слоев и всех возрастов. Тем не менее не стоит забывать и о том, что процессы, инициированные сверху, находили порою и отклик снизу. Огосударствлённая наука в ряде случаев не уступала перед соблазном использовать государственный террор (быть может, воспринимая его в качестве одного из видов ресурсов, предоставляемых государством) как средство разрешения своих внутренних противоречий – и это стало приметой времени.

Для выявления не только масштабов, но и направленности репрессий в отношении томского научно-педагогического сообщества приведем следующие данные (на примере Томского государственного университета). Так, по состоянию на начало 1938 г. в Томском государственном университете работали 135 профессоров, доцентов, старших преподавателей

и ассистентов, в их числе – 107 штатных сотрудников. В ходе репрессий 1930-х гг. погибли 19 человек, т.е. каждый 6–7-й сотрудник. Наибольшие потери понес состав доцентов. Соотношение погибших (10 человек) из работавших в ТГУ (штатных) в 1938 г. (27 человек) здесь составляет 1 : 2,7. Потери профессорской коллегии (в 1938 г. в штате ТГУ состояли 17 профессоров, в ходе репрессий погибли 5 человек и 1 был приговорен к заключению) выражаются приблизительным соотношением 1 : 3. В значительно меньшей степени пострадали молодые преподаватели. В 1938 г. в штате Томского государственного университета состояли 42 ассистента. В ходе репрессий погибли 4 человека. Таким образом, потери среди ассистентского корпуса можно выразить приблизительным отношением 1 : 10 [11. С. 82]. Вопрос о причинах таких соотношений остаётся открытым и нуждается в отдельном исследовании.

В то же время очевидно, что вторая половина 1930-х гг. не была исключительно мрачным царством крови и страха. Как уже было сказано, само научно-педагогическое сообщество было активным участником конструирования новой социальной реальности. В первую очередь на тот момент именно оно формировало и воспроизводило кадровый ресурс советской власти.

Наиболее ярко это проявлялось на окраинах страны. Научные и педагогические кадры видели, как, в том числе и их усилиями, осваиваются огромные территории и формируются целые промышленные районы. Темпы же хозяйственного освоения («внутренней колонизации») Сибири после установления советской власти были гораздо выше, нежели в императорской России. Ключевую роль здесь сыграло региональное научное сообщество, продолжавшее своего рода «научную колонизацию» края: научные «десанты» в Кузбасс для разведки залежей каменного угля, строительства Кузнецкого металлургического комбината и открытия Сибирского металлургического института, во время и после войны – в Новосибирск для открытия филиала, а затем и отделения Академии наук. В целом же логика развития науки и высшего образования в Сибири в межвоенный период в общих чертах соответствовала тем траекториям, что были намечены региональной научной элитой ещё задолго до революции. С той лишь, пожалуй, разницей, что если при царях развитие высшего образования в Сибири порою искусственно сдерживалось (взять хотя бы историю с полувекковой задержкой открытия Томского университета), то большевики в этом отношении выглядели в несколько лучшем свете.

Конечно же, не стоит питать иллюзий относительно целей (предельно утилитарных) и ценностей (либо слишком абстрактных, либо откровенно фальшивых) советской научно-образовательной политики. Её прямым результатом стал дряхлеющий по сию пору кризис науки и высшего образования уже постсоветских. Речь в данном случае идёт о том, что в среднесрочной перспективе (т.е. в рамках советской модернизации) социальная позиция научно-педагогической корпорации вполне органично вписывалась в общий внутриполитический ландшафт.

Всё вышеперечисленное позволяет сделать вывод о том, что в рассматриваемый период складывался этот советский наука. Ряд исследователей (прежде всего Б.Г. Юдин) склонны рассматривать затрагиваемые нами процессы в качестве «вторичной институционализации» отечественной науки [12]. Не оспаривая данную трактовку, добавим лишь, что становление новой советской науки как социального института превратило её несущую конструкцию – научно-педагогическое сообщество – в своеобразное «сословие». Так называемый сословный подход к анализу природы советского социума представляется весьма интересным и продуктивным. В нашем же случае членство в означенной корпорации определялось, конечно же, не правом рождения, а двумя факторами – практической эффективностью результатов научного поиска и степенью политической лояльности (причём, как правило, чем значительнее был первый фактор, тем меньше внимания уделялось второму).

Так, профессор Сибирского технологического института И.Н. Бутаков в 1920-е гг. неоднократно подвергался критике за многократные антисоветские высказывания. Идеологическому разбору учебника И.Н. Бутакова был посвящен целый раздел монографии Н.П. Загорского «Классовая борьба в сибирских вузах». Профессор И.Н. Бутаков подвергся критике за то, что писал «панегирики капиталистической системе организации труда, ни единым словом не упомянув об особенностях советской системы хозяйства». Он также обвинялся в попытках представить капиталистическую форму управления в «общечеловеческом» аспекте и игнорировании «социально-экономических особенностей советского хозяйства». Между тем в 1940 г. И.Н. Бутаков был награждён Орденом Трудового Красного Знамени, впоследствии удостоен этой награды ещё дважды (1946, 1961 гг.). Дважды профессор был награждён Орденом Ленина (1944, 1953 гг.), помимо этого, учёный стал обладателем других высоких наград и почётных званий [13].

Эти факторы и стали, по сути, основными компонентами нормативно-ценностной структуры советской науки.

В дальнейшем туда добавились и следующие вспомогательные элементы, созданные для внешнего (по отношению к самой науке) потребления.

Во-первых, это пресловутый научный «национализм» как следствие борьбы с «лузинщиной» в середине 1930-х гг., ставшей, в свою очередь, предтечей послевоенной борьбы с космополитизмом, отправной точкой в науке для которой стало знаменитое «дело КР» (дело профессоров Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскина). В этом плане весьма примечательна статья-отклик лидера томских физиков В.Д. Кузнецова на статью в «Литературной газете» профессора Г. Шаумяна «На колених перед Тейлором» – «Пора прекратить колнопреклонение перед Тейлором» (в названии – характерная для тогдашней риторики фразеология, только, пожалуй, несколько жёстче) [14]. Специалист по резанию металлов поддерживает своего столичного коллегу против именитого американца, несмотря на то что книга того «Искусство резать металл» устарела

ещё в 1944 г. к моменту выхода третьего тома кузнецовской «Физики твёрдого тела». В.Д. Кузнецов сам это признаёт – критика Тейлора была вполне по существу, но жар полемики, за давностью лет, был совершенно искусствен [15. Л. 17]. В разворачивание этой же темы, уже в самой «Литературной газете», перед этим выходит другая его статья – «Развивать славные традиции русской науки» [16].

Во-вторых, речь идёт о «державности» сознания, проявлением которого стал своеобразный «синдром служения» значительной части научного сообщества. Прежде всего это касается тех его представителей, что в уже достаточно сознательном возрасте застали Российскую империю и были при этом относительно молоды для восприятия новой национально-государственной риторики, пришедшей на смену оголтелому интернационализму первых послереволюционных лет. И здесь опять-таки нельзя не привести ряд высказываний «отца сибирской физики», в искренности которых крайне трудно сомневаться. Первое из них связано с триумфальным «советским блицкригом» – кампании против Японии в 1945 г.: «Жестокое чувство обиды и позора затаил я с тех пор против японцев и сорок лет с нетерпением ждал реванша. Реванш японцам дан, такой реванш, какой только могла представить пылкая фантазия моего оскорблённого патриотического чувства» [17. Л. 62]. Второе касается «нелюбимой» советской историографией «империалистической» войны: «Во время Первой мировой войны с Германией многие ответственные командные должности занимали генералы с немецкими фамилиями, а председателем Совета Министров был немец Штюмер. Моё патриотическое чувство глубоко возмущалось тогда, и я видел одно предательство за другим на фронте» [18. Л. 24].

Проявления державного национализма в обращениях части советских учёных к ретроспективе были вызваны, вероятно, так называемым социальным заказом на историю отечественной науки (одним из инициаторов был С.И. Вавилов), носившим явный отпечаток начинавшейся «холодной войны». И здесь они, как люди и учёные двух эпох, испытывали определённые трудности: с одной стороны, необходимо было помнить, что в полной мере наука стала развиваться только после установления советской власти, с другой же – нужно было подчеркнуть то, что русская научная мысль ничем не уступала европейской и американской и до революции.

Все эти процессы, как проходившие в центре, так и их проекции на периферии, помимо очевидной негативной стороны имели и ещё одну – объективно необходимое самопознание отечественной культуры. Дискуссии о проблемах самодостаточности советской науки, её возможности / необходимости связей с Западом по-прежнему имеют полное право на своё продолжение – до сих пор весьма спорной остаётся сама природа феномена науки в закрытом обществе. Другое дело, что слишком зыбкой оказалась грань между признанием приоритета и интересов отечественной науки и далеко не научным обликом научного «патриотизма».

Резюмируя, можно сказать, что этос советской науки (польза, лояльность, патриотизм, служение), оформившийся и достигший максимальной степени своего проявления в период 1930–1950-х гг., стал результатом взаимодействия двух субъектов: государства и научно-педагогического сообщества, параллельно решавших собственные задачи (первый – удержание власти посредством проведения масштабных социально-экономических преобразований; второй – реализация своего интеллектуального потенциала и удовлетворение личных карьерных амбиций). Точкой же приложения, в рамках которой проходило данное взаимодействие, и стали процессы так называемой сталинской модернизации. Иными словами, сами модернизационные процессы стали ведущей социальной функцией отечественного научно-педагогического сообщества.

Вместе с тем это явление вовсе не являлось нечто принципиально новым – оно протекало на уже достаточно привычных социоментальных основаниях, доставшихся в наследство от предыдущей эпохи. В этом смысле советская наука явилась наследницей науки имперской, равно как и советская власть, которая во многом стала наследовать предыдущей государственности. Иначе говоря, никакого сущностного разрыва между социально-политическими установками дореволюционной и советской научной элитой не было – изменились разве что внешние условия их проявления.

Определенным признанием следует считать и то, что в 1940 г. в связи с 40-летним юбилеем Томского индустриального института группа профессоров и преподавателей томских вузов была представлена к государственным наградам (всего 46 работников томских вузов). К наивысшей из них – Ордена Ленина – были представлены директор ТИИ профессор К.Н. Шмаргунов, директор Ботанического сада ТГУ А.Д. Бейкина, доцент ТГУ И.И. Колюшев, а также – два старейших и авторитетнейших томских профессора – профессора ТГУ Ф.Э. Молин и М.Д. Рузский [19. Л. 2–74 об.].

Тексты представлений свидетельствуют, о том, что работники томских вузов были отмечены в основном за академические заслуги. Хотя отмечалась не только их профессиональная, но и административная (так, профессор К.Н. Шмаргунов, как уже отмечалось, был директором ТИИ, а многие профессора и доценты – заведующими кафедрами) и общественная деятельность, а также работа в органах советской власти. В пользу признания говорит и то, что представленные к высоким наградам профессора В.Д. Кузнецов и И.Н. Бутаков были депутатами Томского горсовета будучи беспартийными.

В итоге Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 декабря 1940 г. был награжден лишь сам ТТИ и его работники: профессора И.Н. Бутаков, М.К. Коровин, А.В. Лаврский и К.Н. Шмаргунов – Орденом Трудового Красного Знамени; профессора А.В. Верховский, Б.В. Тронов и доцент А.Т. Логвиненко – орденом «Знак Почета»; профессора И.В. Геблера и доцента А.М. Розенберга – медалью «За трудовое отличие» [20].

Всё это вполне можно трактовать как некую социальную мобилизацию советской науки и высшего об-

разования, ставшую, в свою очередь, важнейшим элементом предвоенной консолидации советского общества в целом. Идеологические же кампании и репрессии в среде научно-педагогического сообщества, при всём своём трагизме, коренным образом не меняли характера этих тенденций.

Более того, кульминацией взаимоотношений между советской властью и интеллигенцией скорее стоит считать не мрачный период второй половины 1930-х гг. (в конце концов, террор затронул все без исключения категории населения и не в последнюю очередь саму политическую элиту), а годы войны, ставшей не только тяжелейшим испытанием на прочность для советской государственной системы, но и проверкой новой советской науки (как социально-государственного института) на способность к быстрой адаптации к экстремальным условиям, позволившей научно-педагогическому сообществу в полной мере проявить свою социально-государственную функциональность.

Здесь же стоит отметить, что победа в войне была во многом обеспечена именно теми модернизационными процессами, что проходили при непосредственном участии советской науки. Необходимо помнить, что в отечественном хронотопе феномен модернизации неотделим от внешней политики и войны, что лишний раз подтверждает закономерность структуры этоса советской науки.

В региональном фокусе сказанное наглядно демонстрирует пример Томского Комитета ученых по содействию промышленности, транспорту и сельскому хозяйству в военное время – уникального явления, явившего собою образец эффективной формы мобилизации и координации усилий ученых, направленных на помощь воюющей стране. Исключительность его заключалась ещё и в том, что Комитет стал результатом самоорганизации местного научного сообщества (возникнув не «по указке» сверху). Это был один из первых подобных комитетов в Советском Союзе. Он создавался на время войны и являлся филиалом Научного совета при Новосибирском облисполкоме (Томск в те годы входил в состав Новосибирской области) [21. Л. 1].

Председатель комитета профессор Б.П. Токин в недалёком прошлом стал жертвой репрессий. В ноябре 1937 г. Б.П. Токин был освобожден от обязанностей ректора, декабре 1937 г. исключен из ВКП(б) как «не внушающий политического доверия», «за связь с врагами народа и за развал работы в университете», в феврале 1938 г. арестован органами НКВД. Однако в феврале 1939 г. он был освобожден из-под ареста и восстановлен в партии, а вскоре и в должности профессора университета. Несмотря на «развал работы в университете», власть не возражала против деятельности Б.П. Токина на посту председателя Томского комитета ученых [22. С. 447].

В годы войны комитет, помимо регуляции и координации научно-исследовательской работы высших учебных заведений города, оказывал прямую помощь производству. Тесные связи с производством впоследствии окрепли настолько, что некоторые ученые сделались постоянными консультантами заводов, а вузовские лаборатории превратились в филиалы за-

водских, причём связи эти были налажены с предприятиями Томска, заводами других городов Сибири, Урала и Казахстана. По примеру Томска подобного рода научные объединения стали создаваться и в других городах. Так, постановлением бюро Новосибирского горкома ВКП(б) от 30 января 1942 г. был организован Новосибирский комитет ученых под руководством С.А. Чаплыгина в составе 30 человек. Комитеты ученых были созданы также в Новокузнецке, Кемерове и Омске. В годы войны большую роль в координации деятельности ученых играла и Комиссия Академии наук по мобилизации природных ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана. Для самого же регионального научного сообщества Томский комитет учёных явился не только и не столько эффективной формой интеллектуальной мобилизации, сколько предельно яркой демонстрацией достижений и преимуществ альтернативной (по отношению как к противнику, так и к союзникам) организации и содержательной стороны научного труда в Советском Союзе.

Нельзя обойти стороной и такой принципиальный в данном случае вопрос, как уровень жизни советской (в нашем случае – региональной) научной элиты в экстремально тяжёлые военные годы. Очевидно, что логика её отношений с властью, воспроизводящая традиционную для отечественной социальной матрицы схему «государство – служилое сословие», базировалась на вполне реальных основаниях. Даже в самые суровые годы лидеры томской науки могли обеспечить себя и свои семьи не только продуктами первой необходимости, но и такими «излишками», как мясо, яблоки, конфеты и даже английская водка и ликёр [23. Л. 64]. Также и в неурожайные послевоенные годы питание для них особой проблемой не было [Там же. Л. 106].

Прекрасно иллюстрирует всё вышесказанное мотивация вступления в партию основателя томской школы физики твёрдого тела и одного из самых активных членов Томского комитета учёных В.Д. Кузнецова (практически до самого конца войны он оставался вне несущей социальной корпорации – Коммунистической партии). Что характерно, в партию он вступил не до войны, что, скорее всего, могло несколько облегчить его отношения с советской бюрократией, ни после неё, когда на очереди было избрание его действительным членом АН СССР.

Сохранился черновик заявления В.Д. Кузнецова, датированный 13 ноября 1944 г.: «В течение многих лет, – писал он, – я убедился, что 1) мое философское мировоззрение вполне совпадает с тем, которое проповедовали и проповедуют Ленин, Сталин и другие вожди коммунистической партии, 2) практика моей деятельности совпадает с практикой деятельности членов коммунистической партии и 3) понимание международных событий и процесса развития Советского Союза совпадает с пониманием партии. Все это дало мне основание с полной искренностью и добро-

совестностью проводить мероприятия партии, убедившись сам лично и на основании разговоров с товарищами-коммунистами, что я являюсь по существу большевиком и желая еще теснее связать свою деятельность с партией и тем самым принести еще большую пользу моей Родине, я прошу первичную парторганизацию принять меня в кандидаты ВКП(б)» [24. Л. 13]. Если по первому пункту ещё можно предположить некоторое лукавство будущего первого академика из Сибири, то, что касается последующих двух, усомниться в искренности учёного весьма трудно.

В партию профессор В.Д. Кузнецов был принят в 1945 г. Тем самым ознаменовалось его полное вливание в ряды советской социальной элиты. Факт, на первый взгляд, вполне формальный, но знаковый в плане интеграции научных кадров в советское «дворянство».

Оценивая этот сложный и напряжённый период для науки и высшего образования в общем контексте отечественной истории, следует остановиться на следующих знаковых моментах.

Во-первых, очевиден факт того, что во многом (учитывая, разумеется, и объективно-исторические причины) именно благодаря усилиям местного научно-педагогического сообщества колоссальный геоэкономический потенциал Сибири стал использоваться если не в полном объёме, то, во всяком случае, в масштабах больших, нежели когда-либо ранее. И здесь опять же нельзя не признать те возможности, что были предоставлены советской властью – вне зависимости от её истинных целей и мотивов.

Во-вторых, уже имевшийся к моменту начала так называемой сталинской модернизации научно-образовательный задел, с одной стороны, получил значительный количественный и качественный прирост, с другой же – стал одним из ключевых факторов успеха индустриализации в Сибири, сократив разрыв в уровнях социально-экономического развития по сравнению с европейской частью страны.

В-третьих, сами научно-педагогические кадры оказались весьма адаптивными к стремительно меняющейся структуре местного научно-образовательного комплекса, проявив инициативу, открытость и готовность к коллективному творчеству в новых и не всегда благоприятных для работы условиях.

И, наконец, главный вывод состоит, пожалуй, в том, что, несмотря на все понесённые в 1930-е гг. потери, региональная научная элита воспринимала проходившие процессы и свою роль в них главным образом сквозь призму государственного «служения» – совместного участия в объективно необходимом деле просвещения и развития далёкой, но исключительно богатой окраины, начатом её предшественниками ещё в конце XIX в. Как результат – научно-педагогическое сообщество можно и нужно считать не только, и не столько ресурсом, сколько одним из факторов модернизации Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колчинский Э.И. Наука и консолидация советской системы в предвоенные годы // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003.
2. Макаренко В.П. Этатизация науки: советский опыт // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5, № 4.

3. ЦДНИ ТО. Ф-76. Оп. 1. Д. 330.
4. Томск. История города от основания до наших дней / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 1999. 432 с.
5. Кузнецов В.Д. В помощь сибирской промышленности. Сибирский физико-технический институт и его деятельность // Красное знамя. 1929. 2 июня.
6. Кликушин М.В., Красильников С.А. Анатомия одной идеологической кампании 1936 г.: «лузинщина» в Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992.
7. Формирование советской системы высшего образования и научно-педагогические кадры Сибири (1919–1928 гг.) // Красильников С.А., Пыстина Л.И., Ус Л.Б., Ушакова С.Н. Интеллигенция Сибири в первой трети XX века: статус и корпоративные ценности. Новосибирск, 2007. С. 132–159.
8. Реформы высшей школы конца 1920–1930-х гг. как средство огосударствления вузовской интеллигенции // Красильников С.А., Пыстина Л.И., Ус Л.Б., Ушакова С.Н. Интеллигенция Сибири в первой трети XX века: статус и корпоративные ценности. Новосибирск, 2007. С. 160–184.
9. Майер Г.В., Фоминых С.Ф. Д.Д. Иваненко в Томске (1936–1939 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 307. С. 71–76.
10. Костерев А.Г., Литвинов А.В. Томское научно-педагогическое сообщество в 1930-е гг.: социально-политическая эволюция // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 85–90.
11. Литвинов А.В. Профессорско-преподавательский корпус Томского университета (20–30-е годы XX века) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002.
12. Юдин Б.Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации // Философские исследования. 1993. № 3. С. 83–106.
13. Бутаков И.Н. // Электронная энциклопедия Томского государственного университета. URL: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Бутаков,_Иннокентий_Николаевич (дата обращения: 14 августа 2015 г.).
14. Красное знамя. 1949. 30 нояб.
15. ГАТО. Ф. Р-1562 Оп. 1. Д. 516.
16. Литературная газета. 1949. 12 нояб.
17. ГАТО. Ф. Р-1562. Оп. 1. Д. 884.
18. ГАТО. Ф. Р-1562. Оп. 1. Д. 506.
19. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 995.
20. Красное знамя. 1940. 15 дек.
21. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 1.
22. Томский комитет учёных в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и материалы / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2015. 480 с.
23. ГАТО. Ф. Р-1562. Оп. 1. Д. 428.
24. ГАТО. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 491.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 ноября 2015 г.

THE PROFESSORIAL CORPUS OF THE HIGHER SCHOOL IN THE CONTEXT OF SOVIET MODERNIZATION

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 69–78. DOI: 10.17223/15617793/403/12

Kosterev Anton G. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: antonkosterev@rambler.ru

Litvinov Alexander V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: litvinovav77@yandex.ru

Keywords: Soviet science; higher education; intelligentsia; Soviet state; Siberia; Tomsk.

In this article the problem of participation of representatives of higher school science in the designing of the new Soviet society and extent of their influence on the proceeding modernization processes is considered. The main tendencies of the formation of social roles of Soviet scholars and teachers, strategies of their relationship with the party and state system in the period of the end of the 1920s – the beginning of the 1950s are described. Mechanisms of forming social identity of the Soviet academic and pedagogical community are analyzed. On the basis of the brightest plots from the life of the Siberian academic and pedagogical community, the development of this social corporation as one of the leading factors of the Soviet modernization is reconstructed. The main feature of the development is that under the influence of the changing environment the academic and higher school elite gradually changes its values and purposes. Over time, it is more and more involved in the large-scale social and economic transformations initiated by the Soviet state. As a result, the overwhelming part of representatives of higher school science turns from the object of social changes into their subject. In other words, modernization processes became the leading social function of the Soviet academic and pedagogical community. Thus, the process of the Soviet modernization can be considered as interaction of two subjects, the state and the academic and pedagogical community, in parallel solving their own problems (on the one hand, retention of power; on the other, realization of the intellectual potential and satisfaction of personal career ambitions). In turn, high social functionality of a considerable part of the faculty allowed it to be incorporated, finally, in ranks of the new Soviet elite. The final formation of standards and values of this social group, with a conscious need to serve to the state as its basic element, was another result of the faculty' participation in the Soviet modernization, which testifies to the fundamental relationship between the imperial and the Soviet sociocultural traditions. All this can be treated as a certain social mobilization of the Soviet science and higher education which, in turn, became the most important element of premilitary consolidation of the Soviet society in general. The highest point of relationship between the Soviet power and the intellectuals are the years of the war which became not only the hardest durability test for the Soviet state system, but also a check for the new Soviet science (as a social and state institution) on its ability to the fast adaptation to extreme conditions which allowed the academic and pedagogical community to fully show its social and state functionality.

REFERENCES

1. Kolchinskiy, E.I. (2003) *Nauka i konsolidatsiya sovetskoy sistemy v predvoennyye gody* [Science and consolidation of the Soviet system in the prewar years]. In: Kolchinskiy, E.I. (ed.) *Nauka i krizisy. Istoriko-sravnitel'nye ocherki* [Science and crises. Historical and comparative essays]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
2. Makarenko, V.P. (2007) *Etatizatsiya nauki: sovetskiy opyt* [Statization of science: the Soviet experience]. *Ekonomicheskiy vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5:4.
3. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 76. List 1. File 330.

4. Dmitrienko, N.M. (ed.) (1999) *Tomsk. Istoriya goroda ot osnovaniya do nashikh dney* [Tomsk. The history of the city from the foundation up to the present day]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Kuznetsov, V.D. (1929) V pomoshch' sibirskoy promyshlennosti. Sibirskiy fiziko-tekhnicheskiy institut i ego deyatel'nost' [To help the Siberian industry. Siberian Physical-Technical Institute and its activities]. *Krasnoe znamya*. 2 June.
6. Klikushin, M.V. & Krasil'nikov, S.A. (1992) Anatomiya odnoy ideologicheskoy kampanii 1936 g.: "luzinshchina" v Sibiri [Anatomy of a single ideological campaign in 1936: "luzinshchina" in Siberia]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Sovetskaya istoriya: problemy i uroki* [Soviet History: Challenges and Lessons]. Novosibirsk: Nauka.
7. Krasil'nikov, S.A. et al. (2007) Formirovaniye sovetskoy sistemy vysshego obrazovaniya i nauchno-pedagogicheskie kadry Sibiri (1919–1928 gg.) [Formation of the Soviet system of higher education and scientific-pedagogical personnel of Siberia (1919–1928)]. In: Krasil'nikov, S.A. et al. *Intelligentsiya Sibiri v pervoy tretyi XX veka: status i korporativnyye tsennosti* [Intellectuals in Siberia in the first third of the 20th century: status and corporate values]. Novosibirsk: Sova.
8. Krasil'nikov, S.A. et al. (2007) Reformy vysshey shkoly kontsa 1920–1930-kh gg. kak sredstvo ogosudarstvleniya vuzovskoy intelligentsii [Reforms of higher school of the end of 1920s–1930s as a means of nationalization of university intellectuals]. In: Krasil'nikov, S.A. et al. *Intelligentsiya Sibiri v pervoy tretyi XX veka: status i korporativnyye tsennosti* [Intellectuals in Siberia in the first third of the 20th century: status and corporate values]. Novosibirsk: Sova.
9. Mayer, G.V. & Fominykh, S.F. (2008) D.D. Ivanenko v Tomске (1936–1939 gg.) [D.D. Ivanenko in Tomsk (1936–1939)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 307. pp. 71–76.
10. Kosterev, A.G. & Litvinov, A.V. (2012) Tomsk scientific and pedagogical community in 1930s: sociopolitical evolution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 357. pp. 85–90. (In Russian).
11. Litvinov, A.V. (2002) *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus Tomskogo universiteta (20–30-e gody KhKh veka)* [The professorial corps of Tomsk University (1920s–1930s)]. History Cand. Diss. Tomsk.
12. Yudin, B.G. (1993) Istoriya sovetskoy nauki kak protsess vtorschnoy institutsializatsii [The history of Soviet science as a process of secondary institutionalization]. *Filosofskie issledovaniya*. 3. pp. 83–106.
13. Tomsk State University. (c. 2015) Butakov I.N. In: *Elektronnaya entsiklopediya Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Electronic Encyclopedia of Tomsk State University]. [Online]. Available from: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Butakov,_Innokentiy_Nikolaevich. (Accessed: 14 August 2015).
14. *Krasnoe znamya*. (1949). 30 November.
15. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1562 List 1. File 516. (In Russian).
16. *Literaturnaya gazeta*. (1949). 12 November.
17. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1562. List 1. File 884. (In Russian).
18. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1562. List 1. File 506. (In Russian).
19. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 1. File 995. (In Russian).
20. *Krasnoe znamya*. (1940). 15 December.
21. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 1. (In Russian).
22. Fominykh, S.F. (ed.) (2015) *Tomskiy komitet uchennykh v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: dokumenty i materialy* [Tomsk committee of scholars in the years of the Great Patriotic War, 1941–1945: documents and materials]. Tomsk: Tomsk State University.
23. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1562. List 1. File 428. (In Russian).
24. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 1562. List 1. File 491. (In Russian).

Received: 30 November 2015